

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

НА ИОРДАН

Часть 5

От Иерихона до Иордана

Русские паломники, проделавшие нелегкий путь до Иордана, делились своими впечатлениями с читателями, и каждый из пилигримов приносил в «обширную копилку знаний» что-то свое, пополняя «Иорданскую антологию».

Из записок дворян Вешняковых и купца Новикова (1805 г.)

Мы надеялись, что у Иерихона позволят нам отдохнуть, но сего не сбылось: проводники погнали нас далее мимо Содомского моря, в правой стороне от нас синевшегося. Здесь продолжили мы путь свой по равнине, где должна быть земля плодородная, цвета беловатого; но палящий солнечный жар не допускает и траве расти, а выросшая местами в зимние месяцы так высохла, что, если наступить, обращается в пыль. По местам находится довольно лесу, коего деревья совсем нам роду неизвестного, на некоторых алелись ягоды подобные вишням; мы сбивали их палками и отведывали: они с косточками и довольно показались вкусны. Деревья, на коих они растут, имеют столь острые в вершок длины иглы, что к ним и прикоснуться не можно без оцарапывания рук до крови.

О сей равнине, украшающейся зеленеющими отъемными лесочками, историк Иосиф Флавий пишет: «На сей пространной равнине были сады бальзамические и приносили драгоценные плоды; но Клеопатра, египетская царица, пленясь могуществом и красотой Марка Антония, в знак презрения своего к Ироду, перенесла или пересадила оные в Каир».

Потом шли мы верст десять и имели случай видеть между перелесками двух арабов, гнавших стадо овец желтого цвета. На сем пути видны развалины пустых монастырей, первый влево, вверх Иордана на правом берегу, святого Предтечи Иоанна, а вправо, неподалеку устья, где она река впадает в Мертвое море и поглощается оным, святого Герасима, где лев поработал до кончины его. Ныне в оных монастырях скрываются разбойники¹.

Кир Бронников (1821 г.): «Поутру в пятницу подняли всех весьма рано и принудили ехать скорым шагом; ночь была претемная, и второпях теснили друг друга лошадь-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Путевые записки во святыи град Иерусалим и в окрестности оноу Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. Хабаровск, 2013. С. 84.

ми. Хотя впереди, по сторонам и позади для освещения и несли зажженные факелы, но лошадь моя завезла меня в колючий кустарник, отчего изорвалось верхнее мое платье»².

А. Н. Муравьев (1830 г.): «На другой день, еще до солнца, мы поспешили к Иордану. Скоро спустились мы в обширное русло реки, которого глиняный слой совершенно размыт сбегавшими волнами и в некоторых местах оседает под ударами копыт. Только в весеннее время Иордан наполняет его своими водами до осыпающихся берегов, но обыкновенная ширина реки не превышает десяти сажень. По объему русла, простирающегося версты на две с правой стороны, можно полагать, что она изменила свое первоначальное течение и отступила к горам Аравии, где берега гораздо круче и русло теснее»³.

Игумен Антоний (Бочков) (1852 г.): «Самое многолюдное путешествие ко святой реке бывает во вторник на Страстной неделе. Оно сопровождается большим турецким конвоем, и за это охранение поклонники вносят 20 левов еще в начале своего прибытия во Иерусалим и получают квитанцию от Патриархии. Оно походит на шествие древних израильтян, с палатками, с песнями и бубнами арабов, с женами и детьми. Армяне, сухим путем приезжающие от Арарата, часто привозят с собой все семейство, и грудные дети клеймятся в их монастыре печатью пилигрима. Тихие берега Иордана слышат потешные выстрелы пистолетов и ружей, и пустынная ночь освещается ракетами. Временный шум и временный пустой блеск в священной долине навсегда уснувшей. Она устала от великих мировых событий: видела Иисуса Навина и Сына Божия Иисуса Христа, наказание содомлян и земных ангелов Нового Завета; кровавые битвы царей Хананейских и знамена рыцарей: каждое место ее памятно чудесами. Пробудят ли ее однодневные израильтяне с малыми делами своими? Они удалятся, и снова слышно вечное течение Иордана, шумно несущего воды свои из живого Галилейского озера в Мертвое море. Здесь и жизнь, и смерть природы»⁴.

Виктор Каминский (1851 г.): «Едва лучи восходящего солнца, отразившиеся на небе, возвестили день, мы сели на лошадей и поспешили к своей цели. Проехав не более часа, все между кустарниками, по песчаной почве, мы вдруг услышали отрадный шум быстрого течения, а вслед за тем открылся темной полосой и самый Иордан, — прекрасный, счастливый, кажется, своим одиночеством в этой пустынной стороне. Быстрые его воды осеняет роскошная береговая растительность, да изредка посетит его усердный странник. И этого, по-видимому, довольно для Иордана. Такие мысли породила во мне заветная река, при первом взгляде на ее воды»⁵.

Инок Парфений (1855 г.): «Во вторник, на Страстной неделе, часа за четыре до света, начали бить в барабаны, стрелять из пушек и тревожить народ. Целый час дали собираться: запалили огни и военные фонари. Мы пешие пошли вперед, но нас провожатые не пустили, пока все собрались. Потом начали палить из пушек, забили в барабаны, заиграла музыка, и пошли в путь по ровному месту; кругом нас — воинство и огни. Потому рано пошли, что от Иерихона до Иордана три часа ходу, то есть пятнадцать верст. Отошли один час, да остановились; мало постояли, и паки пошли; один час отошли, и паки остановились; развели огни, и постояли довольно долго: потому что боялись рано допустить народ к Иордану, дабы иные не потонули. Мы же очень скучали, и минута казалась нам за час. Когда начало светать, тогда нас пустили по своей воле.

² Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824. С. 184–185.

³ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 139–140.

⁴ Антоний (Бочков), игумен. Русские поклонники в Иерусалиме // ЧОИДР, октябрь–декабрь 1874, кн. 4, ч. II. С. 69.

⁵ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 269.

Мы, пешие, один другого предворяли, верховые также. Куда тогда девалась наша старость? *Обновися, яко орля, юность наша.* Пустились все бежать сколько у кого было силы. Старики, седые бороды, уподобились младым отрокам, с ноги на ногу прыгали. Старые жены, хотя и не могли прыгать, но и те, подхватив свои одежды, аще и со слезами, обаче бежали, сколько силы есть, дабы скорее и прежде всех прибежать к Иордану»⁶.

Виктор Каминский (1857 г., вторичное посещение): «Вскоре пробита была зоря, часовые окружили весь стан и стали перекликаться. Поклонники, осветив лагерь факелами, ужинали, беседовали и, наконец, опочили. Тогда поднялись в пустыне ночные птицы и с лягушками прокричали свой болотный концерт. Затем, перед зарей, шакалы провыли свою песнь; и поклонники начали вставать»⁷.

Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1867 г.)

Мы проехали Иерихон не останавливаясь. Окрестность вся зеленела от садов и восходящих посевов. Отселе вместо восточного мы взяли южное или почти южное направление, прямо в лицо солнцу, палившему нас своими жгучими лучами. Мы прятались от них под зонтиками и скидывали с себя кто какую имел верхнюю одежду. Иордана не было видно, и вся равнина представлялась одним сплошным, кое-где слегка изрытым полем до отдаленных гор Моавитских. Но эти легкие рытвины были тоже горы, выставлявшие перед нами одни верхи свои. Еще несколько спусков предстояло нам, хотя по утверждению карты Палестины (van de Velde. 1866), еще не спускаясь с высот над Иерихоном, мы находились уже ниже уровня Средиземного моря.

Не знаю, есть ли еще где на земном шаре такое низкое место. Мертвая теперь, пустыня эта была некогда *яко рай Божий*. Даже и во времена царства евреев она была, как надобно думать, заселена и обрабатываема. Да и в недавнее сравнительно время еще ее описывали покрытой виноградниками стольких монастырей пустынных. Теперь не встречаешь на ней ничего, кроме кустиков сухой и колючей травы, ни к чему не пригодной. Впереди нас показалась черная точка, которая, мало-помалу разрастаясь, по мере приближения нашего к ней превратилась в кучу зданий. Нам сказали, что это бывший монастырь св. Герасима Иорданского, при имени которого невольно припоминается и служивший ему лев. Теперь львы на Иордане неслыханная вещь. О тиграх иногда еще можно услышать. Гиен и шакалов много. Огнестрельное оружие выгнало царя пустынь из его владений.

Оно же, кажется, одно может выгнать в наше время из тех же пустынь нынешнего царя ее — бедуина. Полагают, что, если бы Ибрагим-паша Египетский удержал за собой Палестину хотя лет на 20, бедуины превратились бы в мирных феллахов, подобных, по крайней мере, иерихонянам. Монастырь преп. Герасима (вернее Каламонский, ибо Герасимов лежал, по свидетельству древних паломников, при самом Иордане) отстоит верст на пять от Иордана и занимает относительно высокое место. Он еще легко мог бы быть восстановлен и служить приютом для поклонников. Другой такой же, но еще более разрушенный монастырь Св. Предтечи едва отделялся своими желтоватыми развалинами на песчаной почве равнины влево от нашей дороги. Он отстоит от Иордана только на версту и еще удобнее мог бы служить поклонническим приютом.

С последнего холма открылось, наконец, и побережье Иордана. На полверсты в ширину правый берег его опушен довольно густо деревьями, в настоящую пору безлиственными. Место, к которому мы направлялись, издали можно было отличить по синеватому дыму и двум белевшим палаткам. При самом въезде нашем в кусты, нас встретил арабский священник в черной чалме. Поздоровавшись с начальником

⁶ Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения. М., 1999. С. 68–69.

⁷ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 507.

Миссии, он быстро устремился вперед. Через несколько секунд за кустами раздался оглушительный выстрел, переполошивший лошадей наших, за ним другой, третий... и началась пальба неумолкаемая. Навстречу нам выступала густая толпа арабов, все с ружьями. Сделав привет нам, они пошли вперед, оглашая воздух криком и пальбой, и какой-то особого рода визгливой трелью, к которой способен язык только здешних арабов. У самой палатки оруженосцы стали в два ряда и сделали, как могли, на плечо, отдавая честь нашему архимандриту.

Вся эта неожиданная встреча сделана была жителями Вифлеема, пришедшими нарочно сюда на праздник вместе со своим священником и шейхом. Надобно признаться, что, несмотря на дикий характер ее, она имела свою торжественность и была кстати. Русь наша также радостно, хотя и безмолвно, приветствовала нас. Чуть не в каждой руке виделись пуки камыша, разносимого отсюда по всей России. Видно было, что трудолюбцы не сидели даром, а чуть пришли сюда и принялись за работу. Кроме резанья палок и дудок, собирали камни в Иордане, мыли в нем и сушили на солнышке простыни, платки и пр. Чуть начальник Миссии сошел с коня, его окружили старцы лавры св. Саввы, прибывшие на Иордан по предварительному соглашению с ним, и затем все вифлеемиты принимали от него благословение⁸.

Архимандрит Антонин (Капустин) (вторично, 1881 г.): «Понедельник, 5 января. Разлившийся поток Елисеев, принятый мною за реку Хозевитскую. Прохладно до холода. В стороне монастырь Предтечи. Спускаемся в долину. Сыро. Торжественная встреча с ружейными выстрелами без числа и меры»⁹.

Из записок Евгения Маркова (1885 г.)

Иордан открылся нам скоро с высоты пологого бугра, в глубокой и узкой низине... Густая зелень деревьев доверху заполнила тесную расселину его извилистого русла, и сквозь эту чашу издали совсем не видно самое течение Иордана. Он вьется зеленой змеей между пустынных холмов своего берега, далеко направо и налево, куда только хватает глаз; желтые бесплодные бугры то и дело заслоняют его, словно заставляют его проваливаться сквозь землю и только в промежутках их он зеленеет курчавыми шапками своих деревьев, будто опять вынырнув из утробы земной...

Всякая жизнь, вода, растение, животное — поневоле прячется и притаивается в своих глубоких норах, здесь, среди мертвящих объятий отовсюду надвинувшей горьчей пустыни. Шакалы, газели и кабаны населяют эту прибрежную поросль Иордана, куда к ним нередко еще заглядывает из дебрей и грозный барс. Лев, царь пустыни, не держится так близко от человека и теперь уже отодвинул пределы своих царственных охот за иорданские берега, в безлюдные степи Аравии. Здесь, в иорданских чащах, он гнезился во множестве не только во времена Давида, Илии или Иеремии, но даже и в средние века. Христианские отшельники палестинских дебрей еще встречали его, как своего обычного хозяина, и в житиях этих подвижников пустыни лев всегда играет какую-нибудь роль... Св. Савва выгоняет льва из пещеры, в которой устраивает свою келью. Св. Зосиме лев копает могилу для погребения обретенного им тела Марии Египетской...

Иордан имеет собственно два ложа: одно — широкое каменистое, полное валунов и рытвин, ложе его бурного зимнего разлива, другое — в середине и в глубине первого, обычное летнее русло его, полное зелени и влаги, которым мы теперь любимся... Иордан уже успел вобрать свои воды в это скромное нижнее русло, и мы спускаемся теперь к нему, так сказать, по двум порогам... Теперь уже видна нам не одна зеленая долина его, но и его серебром сверкающие быстрые струи... «Лукаво же вельми и быстро тече», выражался о Иордане своим наивным языком игумен Даниил (1106 г.), первый паломник русский.

⁸ Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007. С. 204–206.

⁹ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. М., 2011. С. 20.

Зеленые берега Иордана и прохлада его влажного дыхания до того радостны сердцу путешественника, перебравшегося через сухие знойные россыпи пустыни, что без труда поймешь — почему эта река остается священной для людей в течение тысячелетий. Это оазис жизни среди царства смерти. После безлюдия, бесплодия, унылого однообразия, вдруг свежая тень леса, веселое журчание струй, движение и голоса живой жизни... Чувство внезапного воскресения в свой родной и дорогой человеческий мир сладкими замираниями охватывает душу странника, когда он оставляет за собой мертвые пустыни и вступает в священные кущи реки библейской

Мы остановились на самой живописной излучине Иордана, которую так любят выбирать художники для своих палестинских пейзажей. Зеленый полукруглый мыс мягкими очертаниями выступает с противоположного берега, купая свои ивы и олеандры в тенистых струях реки... Кучки арабов и стада овец всегда толпятся на этой прютной лужайке, неизменном месте отдыха караванов и пастухов. Через это она кажется еще живописнее, еще характернее. Этой удобной переправы не минует никто, оттого-то брод Вет-Фавара с глубочайшей давности сосредоточивал в себе все исторические и священные события...

Мы не застали на Иордане шатров богомольцев. Но стада арабов обложили оба берега, и арабские пастухи в своих живописных библейских костюмах, с библейскими посохами в руках, хотя уже не с библейскими длинными ружьями за плечом, отдыхали на зеленых полянах под сенью деревьев... Другие совсем голые, как мать родила их на свет, осторожно брели вброд, подгоняя громкими пронзительными криками бесшумно переплывавших на ту сторону овец. Всадники, загорелые как красная медь, в своих развевающихся *абайях*, тоже вооруженные, поили, не слезая с седел, своих потных коней, по брюхо въехав в речку. Эти, очевидно, не думали останавливаться здесь, и переправлялись через реку куда-нибудь дальше, не обращая внимания на полдневный зной.

Арабы почитают Иордан такой же священной рекой, как и евреи и христиане, и нередко собираются сюда праздновать свои праздники шумным пиршеством по два и по три дня сряду. Наш проводник-араб не совсем доверчиво и не совсем покойно оглядывал эту слишком уже шумную и слишком многочисленную толпу своих земляков и, по-видимому, все еще не решался слезать с коня... Вот он пошептался что-то с другим своим товарищем, и оба озабоченно оглянулись на пустыню, кажется, интересуясь узнать, не подъезжают ли итальянцы со своими провожатыми. Мы, конечно тоже не торопились спешиваться, выжидая, что сделают наши охранители. Наконец провожатый наш подъехал медленными шагами к группе пастухов и стал перебрасываться с ними какими-то отрывочными речами... Они отвечали как-то нехотя, не глядя на него, еще более односложными звуками, едва процеживая их сквозь свои белые зубы...

Еще раз внимательно оглядел наш араб дорогу, по которой мы приехали, и словно с сожалением медленно стал слезать с коня, отодвинувшись, однако, подальше от пастухов и не отходя ни на шаг от коней... Мы порядочно-таки отдохнули в кущах святой реки. Овцы и бараны стихли наконец под влиянием неподвижного полдневого зноя, и дремали в мирном забытьи, обложив собой, как осаждают полчища, оба берега... Бедуинские всадники исчезли неведомо где, голоса смолкли, и во всей природе словно наступил какой-то сладостно-томительный кейф... Только мелькавшие у наших ног быстрины Иордана, кружась около берега, тихо шуршали его камышами и опущенными в воду ветвями, напевая нам какую-то таинственную убаюкивающую песнь...

Разгоняемые шумной обстановкой, в которой мы захватили берега Иордана, и не удовлетворенной еще жаждой прохлады и отдыха, всплывали теперь в успокоившемся сердце, под обаянием все охватившей тишины, тихие серьезные мысли, поэтические воспоминания былого¹⁰.

¹⁰ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 234–242.

Протоиерей Василий Михайловский (1888 г.): «Миновав Предтеченскую обитель, мы спустились в долину священной реки, безжизненную в ионе, а в другое время, говорят, богатую зеленью; но и будучи лишена зелени, Иорданская долина, обрамленная кругом горами, представляет прекрасную картину. Мы двигаемся по этой долине, и вот наконец вдали виднеется кустарник, окаймляющий берега Иордана, издали похожий на поросли нашего олешиника. При виде священной реки путник невольно переносится мыслью ко временам Предтечи Иоанна, оглашавшего эти самые берега проповедью о покаянии. Невольно рисуется в уме устремление народа и иерусалимской знати к великому пророку. И вот среди этой толпы народной представляется божественное лицо Иисуса Христа, Мессии, Спасителя, тихо, незаметно подходящего к Предтече и смиренно просящего от него крещения. Иоанн в смущении; Иоанн возражает; сам просит благословения от Искупителя мира и наконец уступает просьбе. И вот иорданские воды освящаются; Иордан возвращает струи, «Владыку зря крещаему»...¹¹

Е. Э. Картавцов (1889 г.): «Становилось очень жарко, и мы двинулись дальше к Иордану. Эту часть пути мы сделали совсем иначе, чем предыдущую. Здешние лошади знают только два способа движения — шаг или скачку во весь опор. Едучи по горам, мы только в немногих местах, где было поровнее и тропинка менее усыпана камнями, позволяли себе расставаться с шагом, да и то делали это неохотно, так как с непривычки трудно освоиться с мыслью, что лошадь не споткнется, несясь по земле, сплошь усеянной очень неровной величины камнями, а упади лошадь, седоку конечно несдобровать. Но тут, от берега Мертвого моря, куда спустились мы, и до Иордана, в месте крещения Господня, почти сплошь ровное морское днище, покрытое песком и солонцами. Здесь мы могли пустить коней наших во всю прыть, лишь изредка задерживая их, чтоб перебраться через водороду или углубление дна»¹².

М. П. Соловьев (1891 г.): «Было совсем еще темно, когда, проведя утомительно жаркую ночь, мы сели на коней и гуськом потянулись на восток. Зарница по-прежнему вспыхивала сзади нас. Ехали какими-то зарослями, перебираясь через канавы, нагибаясь под деревьями. На восток забелелась сероватая заря, постепенно сменявшаяся зеленоватыми тонами, по которым начали загораться лиловые и розовые облака. Мрак постепенно уступал свету. Любуясь игрой неуловимо тонких переливов утренней зари, доехали до Иордана почти незаметно. Воздух был сух и прохладен. Мы вступили в узкую полосу некогда пышной и сильной растительности, обрамляющей оба берега Иордана. Мелколистные тамаринды, колючие кусты и жесткая густая трава были свежи и зелены благодаря близости воды. Иордан в этом месте образует залив, и здесь обыкновенно наши паломнические караваны погружаются в священную реку»¹³.

Протоиерей Павел Бобров (начало 1890-х гг.): «Видеть Иордан, как и град Иерусалим, давно, пожалуй, с детства — было заветной моей мечтой. Понятно, какое чувство наполняло душу, когда мы уже недалеко от него. Вот и русло обрисовывается; только воды не видно: высокие и крутые берега скрывают ее. Торопился я на благодатный Иордан. Мы были уже в виду Мертвого моря, но я не поехал с товарищами купаться в море, — оно с окружающей природой показалось мне действительно мертвым, — оно не возгревает святое, отрадное чувство, а леденит его. Что-то гнетущее, роковое и в окрестности его; последняя (окрестность) также безжизненна, с клеймом проклятия. Взял я с собой одного шейха в проводники и направился с ним в ближайшую небольшую Герасимовскую обитель на берег реки.

Наконец увидел я и воды иорданские. С этой минуты начинается мое истинное духовное наслаждение. То еду, то иду вдоль берега (против течения) святой реки — на

¹¹ Михайловский Василий, прот. По Святой Земле. Путевые заметки. СПб., 1898. С. 78.

¹² Картавцов Е. Э. По Египту и Палестине. СПб., 1892. С. 202.

¹³ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 267–268.

место, где, по уговору с товарищами, я должен был ожидать их. На два часа мы расстались. Путь мой то отдаляется от берегов, то приближается к ним. Солнце поднялось уже высоко; в воздухе зной настал, а мне легко дышится: близость воды и кустарник освежает атмосферу. Река течет быстро и волнами бьется о каменные глыбы по берегам. В одиночестве, при глубокой тишине слышен этот плеск и говор воды, будто она говорит мне, как и вся природа говорит человеку о Творце. „Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение“ ... „Явился еси днесь вселенней“ ... пел я в ответ Иордану, а лепет его вторил мне... <...>

Вскоре достигли мы того места, где следует ожидать своих с моря. (На этом месте, по преданию, Христос крестился, потому здесь у паломников обычный стан и совершается освящение воды). Душевное настроение мое было такое, что мне хотелось плакать и молиться. Преклонился я Христу Спасителю; Он ходил здесь, призывая всех к Себе; Он был на Своем Иордане и со мной, — это чувствовал я душой. Точно неизвестно место крещения Спасителя, но зачем это знать? Вот Иордан, где небеса отверзлись и слышен был голос Бога Отца: сей есть Сын Мой..., и Дух Божий тут явился. Вот они — иорданские струи, в которые Христос Господь сподобит нас войти по следам Его»¹⁴.

В. В. Дорошевич (конец 1890-х гг.): «Рано утром я отправился на Иордан. Тропинка шла между пышными, густолиственными зарослями, от которых веяло свежестью утра. Капли росы сверкали на солнце, вспыхивали красными, синенькими, золотыми огнями, и вся заросль казалась обсыпанной бриллиантами. Иордана не видно. Священная река скромно прячется в зелени. Если смотреть с горы, спускаясь в долину, вы видите только среди зелени темную, извилистую аллею деревьев. Это и есть Иордан. Он бежит и вьется среди густой аллеи плакучих ив, нависших над ним и глядящихся в его мутные, быстрые воды. Иордан недавно вступил в берега после весеннего разлива, и приходилось идти по вязкой, топкой, покрытой илом земле»¹⁵.

В. Д. Юшманов (начало 1900-х гг.): «Особенный интерес представляет для паломников посещение Иордана и погружение в его священные воды. Редкий паломник не побывает там, если он имеет время и не торопится в обратный путь. До 1898 года путь к Иордану был весьма труден, ибо туда вела по дебрям Иудейских гор лишь узкая горная тропа, по которой могли идти только лошади и ослики. Ныне же, с проведением шоссе¹⁶, 40-верстное расстояние до священной реки совершают в экипажах без особого утомления, употребляя на этот путь 5—6 часов времени. Несмотря на такое удобство, русские паломники редко соглашаются отправиться на Иордан в экипаже, а идут пешком, считая для себя великим счастьем пройти тот самый путь, которым не раз шествовал Иисус Христос со Своими учениками»¹⁷.

А. А. Дмитриевский (1906 г.): «Утром следующего дня, в канун праздника Богоявления, русский караван покидает приют о. Антонина в Иерихоне и в прежнем составе мимо полуразрушенной башни Закхея и сикомора, на котором якобы сидел этот праведник-мытарь, желая видеть Господа, мимо идущего (Лук. XIX, 4), направляется к месту крещения Спасителя, отстоящему отсюда не менее двух часов пути, по ровной прииорданской долине. Здесь весна царит в это время во всей своей чарующей прелесть. Роскошная растительность обращает долину Иорданскую к этому празднику в цветущий сад, полный самых причудливых пестрых красок и самого сильного аромата»¹⁸.

¹⁴ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 74—76.

¹⁵ Дорошевич В. В Земле обетованной. (Палестина). М., 1900. С. 219.

¹⁶ В 1896 году к приезду германского императора Вильгельма II турецкое правительство построило к Иордану шоссе¹⁶.

¹⁷ Юшманов В. Д. Святая Земля по следам русских паломников. СПб., 1902. С. 15.

¹⁸ Дмитриевский А. А. Праздник Богоявления Господня на реке Иордане и в святом граде Иерусалиме. СПб., 1907. С. 8—9.

С. И. Быстров (1914 г.): «Мы тронулись в путь, по направлению к Иордану. Ближе к Иордану стала появляться зелень, кустарники, трава. Чем ближе подъезжали мы к священной реке, тем ковер зелени становился пышнее, роскошнее; на смену кустарникам пошли деревья, своеобразные, особенные, мало схожие с деревьями нашего климата. Извилистая дорога привела нас на широкую поляну, и вот — перед нами сверкнул священный Иордан... Каким восторгом наполнились наши сердца при виде св. Иордана! Сколько великих воспоминаний затеснилось в голове при виде тихих струй Иордана! Не велик он, не пышен, не поражает своими размерами и многоводием; не то, что могучий Нил, или великая река нашей родины — Волга. Не может похвалиться он и движением многочисленных судов, блестящих пароходов, флотилий лодок; ничего этого не встретит взор паломника, стоящего на берегу св. реки.

Но зато как велик и славен священный Иордан сказаниями Библии; окруженный ореолом великих событий, совершившихся на его берегах. Над ним впервые зажглась заря «Невечернего Света», Который озарил вселенную; в его водах были омыты грехи всего человечества; на этих смиренных берегах зазвучали слова могучей проповеди, охватившей мир, погрязший в пороках, нечестии и суете; здесь грешное человечество услышало голос Бога Отца, благоволившего о Своем Единородном Сыне и узрело сходящего Св. Духа в виде голубя на крещаемого «в струях иорданских» Господа. Мы в торжественном молчании смотрели на игравшие струи Иордана, внутренне переживая совершавшиеся на нем великие события, не замечая, как бежит время»¹⁹.

Из записок архимандрита Киприана (Керна) (1930 г.)

23 мая/5 июня утром мы направились с горы пешком в Иерихон, побывали в нашем подворье и оттуда, к изумлению и страху матушек наших, пешком же на Иордан. Они такой прыти, кажется, ни от одного начальника Миссии не видали. Пошли на Предтеченский, оттуда на так называемую Вифавару, потом к абиссинцам, потом «к Николаю» (место водосвятия) и через Герасимовские хутора в Иерихон. Было жарко, но в общем, терпимо. Было и осталось чувство, что мы потрудились ради Бога <...> На «Вифаваре» застали о. Иоанна, помощника о. Кириака при Гробе Господнем. Он там отдыхает уже 14 дней. Поговорили снова о Ватопеде, о Метаксакисе, о новом стиле, о том, что русских архиереев не будет, и т. д. У абиссинцев попили воды и ушли. Там у них банановая плантация, орошение, монастырь, в плетеных тростниковых шалашах живут. Сами черные, глаза голубые, дети они — доверчивые и чистые. Ходят полуголые, почти что «в чем мать родила». Все как будто какие преп. Антонии или Памвы. Тут же висит зонтик, тут же спят, тут же кушают и Богу молятся. А зонтик, должно быть, эмблема абиссинства, какой-то национальный их инструмент.

«У Николая» граммофон, виноторговля, охотничьи собаки, сам Николай — «грек из Одессы» с усидцами, точно вот начнет сейчас губками или золотыми рыбками торговать. То есть так испакостить святую реку, как это умудрился Никола сделать, — диву даешься. Привязана лодка. Раньше на лодке стояла только надпись «Авероф»²⁰ и один греческий флаг. Теперь же к греческому прикрасил и английский. Ох, шалопай! Все продается! Погрузились и пошли домой. Вернулись к 7 ч. вечера в Иерусалим, удивив всех столь неслыханным «демократизмом» — хождением пешком самого о. архимандрита²¹.

¹⁹ Быстров С. И. По Востоку (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 163–164.

²⁰ «Георгиос Авероф» — наиболее заслуженный военный корабль греческого флота.

²¹ Се восходим во Иерусалим. Иерусалимские дневники архимандрита Киприана (Керна). Октябрь 1928 — июнь 1930. Иерусалим, 2013. С. 189. В годы своей жизни во Франции о. Киприан часто ходил пешком через весь Париж: из Богословского института в свой приход в Клараме, заходя по дороге к друзьям.

Архиепископ Нестор (Анисимов) (1934 г.): «Покинув грустные берега безжизненного бассейна (Мертвого моря), мы направили путь наш к прекрасной святой реке Иордану, одно имя которого вызывает столько светлых с детства дорогих и любимых впечатлений в каждой верующей душе. Дорога повела нас сначала снова по безжизненным, бесплодным горам и долинам пустыни Мертвого моря, где некогда лишь святые отшельники, великие подвижники вносили оживление своими молитвами в бесплодные пустыни. Мы остановились на том месте, где ежегодно 6-го января греческий патриарх или его местоблюститель совершают Богоявленское богослужение. На этом месте расположена небольшая хижина грека, владельца лодки, на которой обычно совершается служба. Когда-то, два десятилетия тому назад, сюда на эти берега, приходили сотни, тысячи и десятки тысяч благочестивых паломников из Великой России, и эти берега оглашались святыми молитвами чистых боголюбивых душ»²².

Александра Гаврилова (1945 г.): «Когда-то караваны русских паломников тянулись к Иордану длительно и утомительно. Теперь на такси до Dead Sea Post, где мы купались и затем до Паломнического Брода на Иордан, куда мы проехали — всего три с половиной — четыре часа»²³.

Лидия Ступенкова (1953 г.): «Мы едем к Иордану, к тому месту, где св. Иоанн Предтеча крестил Господа. Пыльная немощеная дорога с ухабами и выбоинами заставляет машину двигаться медленно и осторожно; кругом тишина голой каменной пустыни. К реке мы не можем подъехать: от дождей образовалась топь. Вдруг вдали показывается араб с осликом, — он перевозит нас к берегу. С изумлением и тоской смотрю я на святыню, знакомую по урокам детства»²⁴.

Виктор Петров (1980 г.): «Мы направляемся к священной реке Иордану. Путь до Иордана короткий. По нашим американским понятиям в Израиле все вообще расположено близко друг к другу. Расстояние от берега Средиземного моря на западе до государственной границы с Иорданией на востоке можно на машине легко покрыть за несколько часов. Места пустынные. За рекой уже издали можно приметить желтые, безлесые, безжизненные холмы. Там — арабское государство Иордания»²⁵.

«Тот путь тяжек и страшен»

На Иордан, в Назарет и другие наиболее отдаленные от Иерусалима местности Палестины, паломники могли ходить только караванами, с подобающей охраной; но, как сообщают паломнические описания, нередко случалось, что путникам не помогали в этих случаях никакие предосторожности. «Есть тот путь (к Иордану) — говорит игумен Даниил (1106 г.), — тяжек и страшен, вельми, и безводен, суть бо горы каменные и высокие вельми. Поганые же мнози приходят и избивают христиан в горах тех и в дебрях страшных»²⁶.

Проходили столетия, но по-прежнему паломников на пути к Иордану подстерегали опасности. Об этом подробно пишет немецкий паломник Мартин Баумгартен (1500-е г.).

²² Нестор (Анисимов), архиепископ. Святая Земля (Иерусалим и Палестина). Гонконг—Киев—Тель-Авив, 2015. С. 74—75.

²³ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 45.

²⁴ Ступенкова Лидия. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 3.

²⁵ Петров Виктор. По Святой Земле. Вашингтон, 1986. С. 38.

²⁶ Цит. по: Протопопов В. И. Прежде и теперь. Из быта русских паломников в Палестине. Казань, 1912. С. 8.

К вечеру приехали в великую долину, в середине которой протекает Иордан. Тут скрылись мы в самой глубокой лощине, окруженной со всех сторон возвышенными местами, и стояли до позднего вечернего времени, употребив сию предосторожность для безопасности от разбойников, обыкновенно в сей стране делающих нападения на проезжающих. Когда же ночная темнота покрыла всю землю, то поднялись потихоньку из сего места, и не смея даже ни говорить между собой, ни кашлять, с великим страхом и трепетом отправились далее к северной стороне. Пришедши же к самому почти Иордану в пущий еще пришли ужас и крайнюю робость. Ибо по обоим сторонам оного великое множество находилось повсюду сих грабителей или разбойников близ Иордана; как вероятно заключали мы по многочисленным огням, в разных сторонах разведенным.

И так, остановясь здесь и рассуждая долго между собой, что в таком случае предпринять должно, положились напоследок на помощь и защищение Божие, и поступили далее вперед, покушаясь как возможно с вящей осторожностью выбиться из сих опасных мест, и освободиться от столь тесных обстоятельств. Но потом, когда уже помышляли мы о своей безопасности, думая, что избавились от угрожавшего нам страха, вдруг наехали на стражу разбойников, состоящую из их детей, которые не в дальнем от них расстоянии находились; и как они в то время может статья спали, или и сами боялись; то и молчали до тех пор, пока мы их миновали; а как уже удалились от них и отъехали подалее, то подняли тотчас крик и свист для подаяния другим ясак о проезде нашем, на который с другой стороны взаимно и ответствовано им.

И так в сем случае почитали мы себя погибшими; почему поворотив вбок от предлагаемого нам пути, пошли скоропоспешно к близ находящейся по левую сторону горе, дабы или скрыться в ней, или, если того дело потребует, сражаться и защищаться. Однакоже разбойники, по причине темноты ночной и топота лошадей, не могли приметить и слышать нашего побега, почему и дали нам время перейти гору и спуститься в долину при оной находящуюся. И так здесь провели мы в молчании и тишине целую ночь, поставив первее наверху горы караул, состоящий из людей довольно знающих сии места и искусных в таком случае, которые и берегли нас до самого рассвета²⁷.

Проведя всю ночь в тревожном состоянии, немецкие паломники утром намеревались омыться в водах иорданских, однако им снова пришлось столкнуться с агрессией арабов-мусульман.

При восходе же солнечном, возвратясь к нам караульные наши, привели к нам одного араба, жителя сих мест, который договорясь с нами о цене, проводил нас к Иордану. И так, последуя за ним, пришли мы к мелким для перехода местам сея реки. Тут великая толпа арабов, частью стоя по другую сторону на берегах Иордана, частью же вскочив в воду с обнаженными мечами, с острыми копьями и натянутыми луками, препятствовали нам переходить через реку. Почему мы, говоря с ними через проважавшего нас, и обещав заплатить им от человека по три *майдина*, наконец согласили их пропустить нас через оную. Тогда воды Иордана весьма убыли, и оставили по себе пространные пустые берега. И так, переходя вброд тихими шагами через сию реку, водой ее умыли себе руки, ноги и лица, также набрали оной довольно и в свои сосуды, для употребления в пути. Перешед же оную, и заплатив арабам обещанную сумму, вступили потом на плодоносные поля, покрытые густой и высокой травой.

Но арабы, не будучи довольны данным числом денег, опять, спустя несколько времени, сверх чаяния нашего, напали на нас, и некоторых из сопутствующих с нами, которые впереди ехали, и им прежде навстречу попались, (в числе коих и два францискана находились) отлучили нечаянно в сторону от нас. Сие вида, наемные извозчики наши, и сожалея более о своих мулах, нежели о людях, собираются скоропоспешно в кучу, вынимая луки, и, по обыкновению сражающихся, полагают на оные

²⁷ Баумгартен Мартин. Посетитель и описатель святых мест или путешествие в Египет, Аравию, Палестину и Сирию. СПб., 1794. С. 166–168.

для обороны себя и отнятия своего скота стрелы. Что увидев, арабы, поелику при сем случае не имели никакого оружия, отступили²⁸.

В начале XVIII столетия местные арабы-мусульмане по-прежнему грабили христиан-богомольцев на пути к Иордану. В 1727 году киевский паломник Василий Григорович Барский чудом избежал грабежа: «Тогда убо ми собравшееся три и взявше с собой едина эфиопа в провождение, пойдохом, положивше надежду на Господа. Одеяхомжеся в рубище столь ветха, яко всякому гнушатися има, и идохом чрез всю ночь, не предпочивающе нигде же и утрудихомся сице, яко едва могохом влачити ноги наша, шествовахом бо пустим путем, преходяще горы и долины и претыкающе ноги о камень, ово бодяще о терние, бе бо тогда ночь несветолунна; к тому же находихом на многие разбойники, в них же руце, Богу нас сохраняющу, едва не впадохом»²⁹.

В те годы турецкие власти облагали данью паломников, желавших отправиться к Иордану, о чем пишет В. Г. Барский: «Вестно же буди всякому, чтущу и слышащу, яко обычай есть всем поклонникам в Иерусалиме отходить на поклонение к Иордану реке, в ней же Господь наш Иисус Христос крестися от св. Предтечи Иоанна, в Великий понедельник, и всяк платит туркам по четыре таляри дани; иноки же, тако тамошние, яко странние, не обикоша ожидати оного времени, но прежде, утаенно нощию, от обители святого Саввы ходят, и аще некий случится поклонник убогий зело, не могий платити турецких даний, такового отай нощию вкупе с иноки посылают. Таковое убо и о мне благодеение от епитропа сотворенно»³⁰.

На пути к Иордану за паломниками зорко следила мусульманская «налоговая полиция», в чьи руки нередко попадали неимущие богомольцы. По словам В. Г. Барского, «обычай же ходящим на Иордан идти ночью, а день тамо сидети между древеси и тростми, понеже днем ходят семо и овамо арапы, и того ради отнюдь невозможно шествовати: не яко убивают, или обнажают — никакоже, но уловивше, бесчестне приводят в Иерусалим к судии, и тот налагает (аще за гречина) вину на монастырь патриарший таларей 50 за главу; аще ли же арменин, аще римлянин, или ино никто, туюжде платит вину»³¹.

Пишет отечественный паломник Д. В. Дашков: «Прежде отъезда из сей достопамятной страны мы хотели видеть Иордан и Мертвое море. Мы знали, что в летнее время хищные аравы удаляются со своими стадами от реки на вершины гор и что дорога менее опасна, нежели весною. В том уверил нас и почтенный архиепископ Петрский, недавно возвратившийся из епархии, советуя однако же потребовать провожатых от турецкого начальства. Все было сделано по нашему желанию.

7 сентября явилось к нам несколько человек из мусселимовой стражи с его чаушем (приставом), все на прекрасных лошадях, монастырский драгоман и два шейха из арабских племен, кочующих за Иорданом. Переждав полдневный зной, мы пустились в путь мимо Гефсимании, по правой стороне горы Елеонской; ввечеру остановились отдыхать у колодца, на дворе обвалившегося караван-сарая. Здесь, за три или четыре месяца до нас, был ограблен молодой англичанин, не имевший при себе никого, кроме слуги и янычара. Защищаясь упорно, он ранил саблею одного из разбойников и в наказание получил от них сам точно такую же рану: пример правосудия, достойный сих диких сынов природы! Оттуда ехали мы по косограм и ущельям до большой равни-

²⁸ Там же. С. 168–169.

²⁹ Странствования Василия Григоровича Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 гг. СПб., 1885. т. 1. С. 374.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 377.

ны, окружающей Иерихон, и в полночь добрались до жалких остатков сего города, некогда славного»³².

«Тема грабежей» проходит красной нитью в записках русских паломников XIX века. В паломническом дневнике А. Н. Муравьева (1830 г.) читаем: «Спешил я воспользоваться тишиной, которая тогда царствовала на берегах Иордана, часто тревожимых набегами бедуинскими, чтобы посетить священную реку и Мертвое море, прежде, нежели возникнут новые грабежи и беспокойства. Пять французских путешественников и два английских, которых я застал в Иерусалиме на обратном пути их из Египта, присоединились ко мне вместе с Г. Е..., дотоле не выдавшим Иордана. Несколько поклонников и монахов вслед за нами; даже одна женщина русская пустилась позже нагонять нас по горам, но ее совершенно ограбили бедуины <...>

Мы решились провести ночь в селении, на дворе аги иерихонского, которому огражденная башня служит жилищем и вместе защитой от набегов бедуинских. Сии последние, кочуя за Иорданом, часто переплывают его на борзых конях. Они славятся своею дикостью и зверством между всеми коленами арабов, и грозными неожиданными набегами путникам и стадам; ибо все хищники палестинские, как и все похищенное ими, находят верный приют в стране Заиорданской, меж дикими горами Аравии»³³.

В 1835 году берега Иордана посетил иеромонах Аникита (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов). О том, какие меры предосторожности были предприняты против разбойников-мусульман, о. Аникита сообщает в своих паломнических записках: «14-го октября, вскоре пополудни, в сопровождении присоединившихся к нашим кавасам еще 16-ти конников вооруженных, отправились мы ко Иордану, на берег коего прибыли еще до зари. (столь значущее охранение военное необходимо было нужно, по причине разбойничествуящих арабов, которых многие тысячи, не покоряясь египетскому правительству, укрылись за Иордан и там за неприступными горами, в ущельях обитая, живут по своей воле, занимаясь разбоем, для чего и переплывают Иордан и нападают на странников — поклонников и грабят их и нередко убивают»³⁴.

Из записок А. А. Уманца (1843 г.)

Мы пробыли у Иордана ровно четыре часа. Дорога оттуда к Иерихону идет сначала кустарниками, растущими на местах, заливаемых Иорданом при половодье, потом голой, безжизненной, слегка возвышающеюся к Иудейским горам степью, и наконец, при приближении к Иерихону, начинается колючий кустарник и отчасти иссохшие деревья. Расстояния здесь всего часа два. Монах Бернард, бывший в Святой Земле в IX столетии, говорит, что вблизи Иордана было много монастырей. В 15 стадиях от реки и в 10 от Иерихона, по словам блаженного Иеронима, должен был находиться Гилгал, место положения 12 камней двенадцатью коленами Израильскими, по вступлении их в землю обетованную.

Грунт земли здесь хотя песчаный, но поверхность твердая, и нога лошади в ней не вязнет. Пустыня эта налево идет до Мертвого моря, направо на необозримое пространство и на весьма далекое расстояние можно видеть прохожего пешком или всадника на лошади. Здесь поприще разбоев, грабежей и убийств, совершаемых бедуинами и восхваляемых арабскими поэтами, как великие подвиги храбрости воинской. Караваны из Месопотамии в Египет уже давно не идут путем этим, как прежде, и на-

³² Дашков Д. В. Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 35

³³ Муравьев А. Н. Путешествие ко Святым местам в 1830 году // Святые места вблизи и издали. Путевые заметки русских писателей 1-й половины XIX века. М., 1995. С. 137, 139.

³⁴ Путешествие иеромонаха Аникиты (в мире князя С. А. Ширинского-Шихматова) по святым местам Востока в 1834–1836 годах // Христианское чтение, 1891, ч. 1, май–июнь. С. 555.

правляются на Дамаск, под надежным прикрытием. Пользуясь некоторыми песчаными курганами, бедуины вырывают на вершине их ямы, прячутся в них со своими лошадьми, выжидают поживы и, при появлении ее, бросаются, как коршуны на добычу. Эти засады бедуинов напомнили мне наши курганы в Малороссии с подобными же углублениями на вершине, идущие от Днепра прямой линией к Полтаве, Харькову и другим местам, и которые, по всему вероятно, служили, во времена гетманства, аванпостами, для извещения о набегах крымцев.

На степи Иерихонской становятся кочевьем на одну ночь поклонники, отправляющиеся на Иордан. ежегодно целыми тысячами, на третий день Пасхи, под прикрытием конвоя паши иерусалимского, которому это служит источником огромных бакшишей. Мне рассказывали об одном очень неприятном случае, которого игрою был здесь в том же 1843 году один английский путешественник и который передать моим читателям считаю не излишним, для того, чтобы показать, как опасно ездить в этих местах без надежного прикрытия.

Вместе с прочими поклонниками, в количестве тысяч до трех, этот путешественник отправился к Иордану. После погружения в его священные воды и при обратном пути, весь караван поклонников расположился на ночлег в степи Иерихонской. Паша иерусалимский и его конвой блюли за безопасность каравана. На другой день чуть свет был дан сигнал к сбору; немедленно все поднялись и тронулись в путь. На месте осталась одна только палатка, и об ней никто не беспокоился, потому что всяк о себе думал; при том же, кто мог предполагать, что и она за ними не тронется, видя, что подле происходят общие сборы в дорогу.

Палатка эта принадлежала нашему англичанину. Драгоман его не раз докладывал ему, что пора ехать, что все выехали и уже скрылись из вида. Англичанин наш и ухом не ведет, отзывается, что еще время не ушло, что еще можно догнать караван; завернул в теплое одеяло и храпит. При том же так сладко спится при утренней прохладе! можно ли разрушать комфорт в такие бесценные минуты? Наконец, встав, хотя он, может быть, и не брился на этот раз, однако выехать с тощим желудком в климате, к которому не привык, не решился. Все это еще более удержало его на месте. Когда палатка была убрана, все уложено и увязано, он тронулся, наслаждаясь между тем видом Иерихонской долины и гор Иудеи при косвенных лучах утреннего солнца. При нем, кроме драгомана, был еще араб-погонщик с лошадей, нагруженной его вещами.

Шайки бедуинов обыкновенно рыщут по следам такого большого стечения поклонников, в надежде поднять оброненную вещь, а при случае и обобрать отсталого. Оставшаяся на поле палатка не могла не быть ими замечена, и могли ли они пропустить этот верный случай хорошенько поживиться? Но напасть открыто силой, они еще не решались. Когда англичанин тронулся, они джигитовали вблизи на своих лошадях и иногда даже мимо него, с целью высмотреть, как он вооружен. Англичанин, думая, что они принадлежат к конвою паши, с которым обыкновенно все путешественники знакомятся, и что оставлены собственно для сопровождения его особы, нимало не беспокоился и еще иногда, в подражание им, пускался на своей лошади во весь карьер с криком *гау, гау*.

Наконец, высмотрев хорошенько и улучив минуту, двое из бедуинов при *джириде*, наскочили на англичанина и его драгомана и, потрясая острием копья у самой груди жертвы, как обыкновенно ими в подобных случаях делается, требовали немедленной сдачи оружия, с угрозой в противном случае пронзить их насквозь, как лист бумаги. Между тем прискакали прочие, человека два или три, и беспрекословно овладели лошадей с багажом и при ней арабом. В таких критических обстоятельствах, конечно, благоразумнейшим было сдаться; так точно осажденные и сделали. Сцена эта кончилась тем, что через пять минут наш англичанин и его два спутника были голы, как мать родила; а бедуины, забрав все — платье, оружие, багаж и лошадей, поскакали напрямик к Иордану, с намерением поскорее за него переправиться и по-

спешить на деж в свое кочевье. Впрочем, они оставили одну вещь англичанину в утешение, именно — соломенную шляпу, да и то обрезав с нее ленту.

Нечего было делать — и наши путники поспешили пешком, на рысях, догонять караван, который настигли часа через три на привале, между гор Иудейских. Жалкое было положение англичанина, имевшего в своем распоряжении всего одну только соломенную шляпу, и ему, из сострадания, дали здесь старую монашескую рясу, которой прикрыл он наготу свою. Прочим двум также дали по бурнусу. После этого, я думаю, они уже не отставали от каравана.

Не вполне доверяя этому рассказу, я расспрашивал о нем, по возвращении в Иерусалим, и мне вполне подтвердили, с добавлением, что ограбленный бедуинами англичанин имел неосторожность везти с собой все свои деньги, все платье, и все это погибло. Мне также сказывали, что перед тем за несколько лет, отстав в горах, саженой на 100 от каравана, наш русский поклонник был убит бедуинами наповал ятаганом и в минуту обобран. Впрочем, надобно отдать справедливость этим жильцам пустыни: они только тогда поднимают руку на человека, когда иначе обобран его не надеются, и если попавшийся к ним отдается их великодушью, то он наверно будет цел и невредим, но зато наверно уже и гол.

При мне кавас, в бытность мою в Иерусалим, видел двух турок пришедшими от Иерихонской дороги к Гефсиманским воротам в таком точно туалете, как наш англичанин и его товарищи догнали караван поклонников. Подобные сцены, как мне сказывали, здесь не в диковинку. При этом долгом считаю заметить, что дорога вифлеемская менее всех других опасна, конечно, потому, что по ней всегда бывает достаточно прохожих и проезжих³⁵.

Опасность подстерегала богомольцев при встрече с местными кочевниками-бедуинами; в 1851 году об этом писал Виктор Каминский: «С правой стороны дороги, на низменной цветущей равнине, открылось новое зрелище: это черные шатры, кочевья бедуинов, неизменных потомков самых древних предков <...> Двое наших проводников побежали в шатры и наняли вооруженного бедуина, чтобы иметь представителя этого племени, которого присутствие ручалось бы за нашу от них безопасность. Племя это носит название *тамаритов*, от Фамари, жены Иудиной, — и довольно сильное»³⁶.

Ко второй половине XIX века опасность «от бедуинов» несколько снизилась; сообщения об убийствах случались все реже, но грабежи все еще бытовали. По словам архимандрита Леонида (Кавелина) (1859 г.), «бедуины, впрочем, никогда не убивают, а только при случае обирают свои жертвы: несколько лет тому назад, они обобрали савваитов, невдалеке от монастыря; к тому же они и сами порядочные трусы; так например, увидав однажды возвращавшихся без проводников с Иордана поклонников, они приняли закинутые на плечи посохи за ружья и обратились в бегство»³⁷.

Тем не менее атмосфера взаимного страха по-прежнему довлела над обитателями здешних мест и над паломниками, о чем пишет все тот же о. Леонид.

Чем ближе подъезжали мы к Иордану, тем приятнее становилась дорога; вся равнина была покрыта зеленью и цветами, между которыми преобладали цветы желтого и темно-пунцового колера, вроде нашего мака; наконец послышался шум воды — это поток Елисеев катил свои мутные воды в Иордан, ворочая камни и увлекая их с собой; ручей так наполнился от дождей, что мы, подъехав к нему, не знали, как пе-

³⁵ Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 341—346.

³⁶ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святой Земли. СПб., 1856. С. 265—266.

³⁷ Леонид (Кавелин), архимандрит. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника а. Л-а. М., 1873. С. 461.

вернуться на другой берег. Бедуины отправились вниз по течению потока отыскивать место более мелкое и безопасное для переправы <...>

Вдруг слышу вдали в кустах какие-то дикие отрывистые крики, и затем один из наших провожатых бедуинов видимо испуганный, выбежал из кустов на нашу поляну. «Кто там? Что случилось?» спрашиваем его по-арабски, и он, мечась то в ту, то в другую сторону по кустам, едва проговорил: «монах утонул» <...> Но вот показались из кустов два человека, в которых мы тотчас же опознали коптских монахов; они знаками объяснили нам, что их было трое, осталось же двое, а третий утонул. Скоро возвратились и остальные наши спутники: испуг проводников бедуинов объяснился неожиданной для них встречей в кустах с этими монахами, на которых они наткнулись убегая из леса от раздавшихся в нем внезапно криков; этими криками, как оказалось, вздумал (вовсе некстати) поугаить их савваитский послушник Герасим (за что и получил заслуженный выговор от нас и аввы Харитона); метание же нашего бедуина по поляне, на которой находились мы, объяснилось тем, что он со страха забыл, где именно оставил свое ружьишко.

Когда разъяснилось дело, все подшучивали друг над другом по случаю напрасной тревоги, кроме виноватого во всей этой суматохе, который, сознавая свою вину и опасаясь впереди выговора от старца, молчал, но, в сущности, был весьма доволен тем, что напугал наших проводников, бедуинов Мар-Саба, дорогой хвалившихся своей храбростью, которую на этот раз вполне обеспечивало половодье Иордана, делавшее невозможной переправу через нее заиорданским бедуинам. Но хвастуны совершенно позабыли об этом, лишь только услышали несшиеся из леса дикие возгласы, по их признанию вполне походившие на воинственный крик враждебных им соседей, кочевников с того берега Иордана³⁸.

«Путеводитель по Иерусалиму» (СПб., 1863): «Обыкновенно путешествие на Иордан и Мертвое море считается опасным, по причине нападений бедуинов. Такие нападения бывают, но крайне редко. При этом надо заметить, что бедуины не нападают на авось, не рассчитав заранее своих сил, например, если вас трое, их будет 10, 15 и т. д., а потому воевать с ними вашими английскими револьверами придется разве при какой-нибудь весьма исключительной обстановке. Скорее всего они обезоружат вас прежде, чем вы найдете возможность прибегнуть к револьверу: тогда отдайте им как можно скорее все. Колец на руках иметь не следует. Денег брать поменьше. Деньги и все, что захотите, можно оставить у консула»³⁹.

Из записок архимандрита Антонина (Капустина) (1867 г.)

Вот что рассказал мне сегодня один из соотчичей К. Кл... «Мы — втроем: я, Аф... и Ан... — сходили уже с последней горы, что над Иерихоном, было часов 7 утра. Вдруг впереди нас из-за камня высунулось ружье и заревел голос: стой (по-арабски)! Выступил человек и стал давать нам повелительные знаки, чтобы мы снимали платье и клали на землю. Вместо того я пошел прямо на него тихо и спокойно, стал указывать ему на небо, на сердце, повторяя при сем по-арабски имя Бога. Но злодей продолжал целиться в меня. Тогда я закричал своим: что вы зеваете, они кинулись к нему, а я схватил ружье. Он выхватил ножик, но и ножик очутился у нас же. Тогда подлый человек стал кланяться нам и молить нас отдать ему ружье, в свою очередь повторяя имя Божие и показывая, что он сейчас уйдет от нас в горы. Мы поверили клятвенному слову и отдали ему его вещи, а сами пошли вперед. Что ж вы думаете? Ведь он забежал вперед и опять уставил на меня ружье свое дурное. Меня это привело в такую злость, что я стал как зверь. Мерзостная тварь ведь знает, что, если и убьет меня, все же сам не избежит смерти; ибо нас трое, а он все лезет на горло! Мы все кинулись на него вдруг и свалили разбойника на землю, да уж потом били его без всякой по-

³⁸ Там же. С. 457—459.

³⁹ Н. Б. Путеводитель по Иерусалиму. СПб., 1863. С. 218—219.

щады чем попало. Верьте, я убил бы проклятую собаку тростью, если бы Ан... не подставил руки своей. Бог спас меня от греха и беды. Беды — говорю, потому что тут же впереди нас показалось еще четверо таких же сорванцов и пятый старик с девочкой.

На беду Аф... возьми да и выстрели из ружья на воздух! Как это меня рассердило, и сказать не могу. Битый заликовал от радости. Я понял, что наступает минута нехорошая, схватил ружье, достал из кармана сахару и стал вбивать его шомполом в дуло, показывая вид, что заряжаю ружье. Негодный тот поднял вопль отчаяния. Подходившие все были с ружьями, но, вероятно, не заряженными (?), и обходили нас стороной. Старик напал на обидчика нашего с бранью, а потом и с кулаками, а девочка подошла ко мне, стала кланяться и целовать мои руки, показывая, чтобы я отдал ружье старику. Я увидел, что у этих зверей двуногих есть чувство человеческое, и отдал девочке и ружье, и ножик. Старик крепко благодарил нас и показал вперед рукой, давая знать, чтоб мы шли мирно».

Выслушав рассказ этот, я сказал: но ведь это чудо, что злодей-то два раза отдался вам в руки, не сделав по вас выстрела! — А то что же? конечно, чудо. Его руку держал Бог. — Ну а вы и не боялись идти-то на него прямо? — Чего бояться? Разве он мог убить меня? — А разве не мог? — Видно, что не мог, когда не выстрелил. Попустит ли Бог убить меня в то время, как я иду на дело богоугодное, скажите вы сами? И думаете вы, что убить себе подобного легко? Ведь он видит себя самого во мне... Благим заключениям своим рассказчик верил искренно и находил подтверждение им и в том необъяснимом обстоятельстве, что четверо других разбойников также не тронули его, хотя могли бы убить всех троих, отмщая за побои, нанесенные ими одному из своих собратий по преступному ремеслу. Впрочем, прибавил он, надобно и то сказать, что вслед за последними четырьмя показалась целая толпа народа с женщинами и детьми, которую те, без сомнения видели за собой, отчего и не посмели обидеть нас. — Без этого обстоятельства наши пилигримы действительно не легко бы, может быть, отделались от «себе подобных». Все это происходило 5-го января 1867 года⁴⁰.

В 1872 году паломничество к Иордану совершил великий князь Николай Николаевич. В его свите среди прочих находились два «бытописателя»: Д. А. Скалон и В. Сипягин; и оба они сообщали о грабителях-бедуинах.

Д. А. Скалон: «Шайка пеших бедуинов напала на людей, следовавших с припасами, но была отбита и разогнана не замеченным ею конвоем, который следовал сзади и успел переловить из них четырех человек. А перед тем за две недели были ограблены англичане, путешествовавшие в числе двух мужчин и трех дам; их раздели донага и оставили на произвол судьбы. Можно себе представить, что испытали эти путешественники»⁴¹.

В. Сипягин: «Во время перехода, на нашего походного буфетчика, который возвращался с привала на ночлег, напала шайка бедуинов и требовала с него денег, но вовремя подоспевшие турецкие драгуны схватили до 8 человек, которых, вероятно, после палочной bastonады, отпустят домой»⁴².

В записках паломников начала 1880-х годов по-прежнему упоминаются грабители; необходимо было также опасаться парнокопытных, о чем предупреждал отечественный палестиновед В. Н. Хитрово: «В это время года (речь идет о ранней весне) Иордан течет очень быстро и вода его желтоватая, по берегам его, насколько глаз хватает, деревья

⁴⁰ Антонин (Капустин), архимандрит. Пять дней на Святой Земле и в Иерусалиме в 1857 году. М., 2007. С. 203–205.

⁴¹ Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. СПб., 1881. С. 185.

⁴² Сипягин В. Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича Старшего по Турции, Сирии, Палестине и Египту в 1872 году. СПб., 1873. С. 67.

и кустарники поросли такой чащей, что и не пройдешь по ней, к тому же в ней, говорят, и проходить опасно, так как там скрываются разбойники, а еще более дикие кабаны»⁴³.

Но главная угроза по-прежнему исходила от «заречных» арабов-мусульман; об этом пишет все тот же В. Н. Хитрово: «Хотя путь этот, вообще говоря, и безопасен, но ввиду пустынности его, а главное — вследствие удобства для заиорданских кочевых бедуинов перебираться вброд через реку и по сю сторону Иордана пользоваться, по своим воровским наклонностям, наживой в ущерб какому-нибудь встречному, одинокому путнику: мы советуем паломникам быть особенно осторожными на этом пути и не принимать его в одиночку, одному или в малом количестве спутников, без проводника или местного шейха»⁴⁴.

Грабители-бедуины, дикие животные — все это с десятилетиями отходило на второй план, но была еще одна неустраняемая угроза — изнуряющая жара.

«От Иерихона до Иордана шесть верст по ровному месту, в песке, путь очень тяжек, — писал игумен Даниил (1106 г.). — Многие люди задыхаются от зноя и умирают от жажды водной. Мертвое море вблизи от этого пути, исходит из него дух знойный, смердящий, сушит и сжигает всю эту землю»⁴⁵.

Как отмечал в 1880-х годах В. Н. Хитрово, «с мая по сентябрь русские богомольцы редко посещают Иордан, потому что в это время вообще их бывает немного в Иерусалиме, но, главное, ввиду того, что в долине Иорданской, образующей обрамленную горами котловину на 563 сажен ниже уровня Святого Града, жара бывает летом так велика, что может оказаться вредной, для непривычного человека»⁴⁶.

А вот свидетельство А. В. Елисеева (1884 г.): «На Иордан и на Мертвое море консульство часто не пускает простых паломников в страшные жары летнего сезона, справедливо предупреждая несчастные случаи от солнечного удара, очень нередкие в Иорданской долине. Я никогда не забуду, как летом 1881 года, когда я был впервые в Палестине, возвращаясь из путешествия по каменистой Аравии, я предпринял экскурс на Иордан и к Мертвому морю при ужасающем зное. Со мной тогда упросилось несколько наших паломников, которым хотелось побывать на Иордане, а их одних не пускали. Один из моих спутников — мужичок, имел кроме ватной поддевки еще полушубок и теплую шапку, и, несмотря на все мои убеждения, не хотел снять ни поддевки, ни шапки, ни переменить их на более легкое одеяние. На Иордане с ним случился слабый солнечный удар, от которого он легко оправился, но теплой одежды все-таки не снял и вернулся в ней в Иерусалим обратно. Этот пример показывает, насколько благоразумно поступает консульство, не пуская поклонников на Иордан в летние жары (хотя паломники все-таки удирают туда при помощи бывалых и монахов из иорданских монастырей)»⁴⁷.

Тем не менее в 1880-х годах нельзя было сбрасывать со счетов и «заречных» бедуинов, о чем пишет А. В. Елисеев: «Останавливаться на ночь небольшой партией на берегах Иордана нельзя советовать, потому что страны Заиорданья еще не умиротворены, и оттуда часто являются дерзкие грабители даже под стены Иерусалима. Как небольшие караваны, так и маленькие партии от Иордана идут уже прямо на Иерихон через обитель Предтечи, недавно еще восстановленную и чрезвычайно бедную. Тут, как и везде, паломников встречают монахи, говорящее по-русски; мало того, здесь и из братии имеются настоящие русские»⁴⁸.

⁴³ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 151.

⁴⁴ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 163–164.

⁴⁵ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М., 1994. С. 22.

⁴⁶ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 164.

⁴⁷ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 237–238.

⁴⁸ Там же. С. 251.

Начало 1890-х годов. Одиноким богомольцы, как и прежде, подвергались большому риску в окрестностях Иордана. В такой ситуации оказался прот. Павел Бобров, о чем он вспоминал впоследствии.

Вижу — из-за кустов со стороны берега вышли два бедуина при своем обычном оружии; один вдобавок с небольшим копьем. Они выходят прямо ко мне.

— «Сала малейкым», — приветствую их, приложив по-восточному руку к груди.

— «Малейкым сала», — отвечают они также и присоединились к моему пешему проводнику, за которым я следую на осле. — Без сомнения они знакомые между собой и земляки. Скоро в говоре слышно стало — шейх мой крепче и крепче повторяет слово «кавас», указывая на сторону Мертвого моря, а бедуины еще громче заговаривают — будто оспаривают его и в то же время свирепо озирают меня; особенно один, лучше вооруженный, страшен был. Да и вся группа их в пустыне, представляла картину неприглядную: лица желто-черные, одеты в закопченные хитоны с плащом через плечо (они не переменяют своего древнего костюма), с грязной повязкой на голове; во всей черной фигуре их белеются только зубы. Речь их в этот раз была отрывиста, резка. Ясно — дело касалось моего личного благополучия. Однако, с версту прошли, а спор их не решился, хотя становился тише. Впереди, в кустах завидел я целый караван таких же арабов с верблюдами, мулами и прочим скотом; несколько кибиток раскинуто; около них были женщины и дети арабские. Тогда новые спутники наши отстали от нас <...>

Расположился я под тенью деревьев и любовался Иорданом до приятной дремоты, а шейх любезно подслужился — нарвал мне под голову ветвей. Добрый араб! Я сердечно полюбил его и никогда не забуду. В легком сне слышен стал говор. Это наши прибыли. Смотрю — с ними и тот бедуин, который хищным зверем был около меня. Но теперь в глазах его была такая лезть, такое заискивание предо мною и особенно пред кавасом! Шейх наш видимо позаботился удалить бедуина, а я не считал нужным жаловаться на то, что он зверски озирает меня, — только похвалился преданностью и услугами Махмуда. Сам виноват, что уехал один. Теперь обещаю и другим советую никогда не оставаться здесь одному без надежной охраны⁴⁹.

М. П. Соловьев (1891 г.): «Нападения чаще в пустыне между Иерусалимом и Иерихонской долиной. До сих пор признается необходимым, чтобы шейх Вифанский посылал кого-нибудь из своих, или ехал сам провожать идущих к Иордану. Но до какой степени трусливы эти разбойники, видно из того, что одному из русских паломников совершенно достаточным оказалось взять с собой одного пехотинца из четырех, держащих стражу в Иерихоне, для того, чтобы переехать поперек 40-верстную пустыню, в которой, по полученным известиям, рыскали бедуины, перебравшиеся из Заиорданья. Можно с уверенностью сказать, что несколько хороших и беспощадных уроков укротили бы навсегда бедуинскую сволочь на всем протяжении Святой Земли. Усиленный наплыв европейцев делает свое дело. Мусульманское арабское население впадает в какое-то оцепенение. Европейец господином разъезжает по Палестине, заставляя туземцев усваивать необходимые слова чуждых им языков, не выказывая никакого страха перед туземцами, смеясь над их кремневыми пищалями и ятаганами, пугая их своими револьверами. Всякий европейец в глазах местных мусульман — и христианин — *хаваджи*, знатный господин, у которого можно только просить подачку, да и подачки даются теперь гораздо реже»⁵⁰.

⁴⁹ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 75–76.

⁵⁰ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 45.